

Тяжелая кирка с размаху вонзилась в сухую землю. Стоило пару раз качнуть рукоять, чтобы разрыхлить грунт, как из земли показались застрявшие в ней пшеничные остатки — корни скошенных колосьев.

Выкопав небольшую кучку корней, Чанся принялся собирать их один за другим: тщательно отряхивал комья земли с корешков и бережно складывал в бамбуковый короб.

По сравнению с недавней спешкой и суматохой во время жатвы, сегодня работа по уборке остатков корней продвигалась куда более неторопливо и размеренно.

Всё это — отличный хворост. Стоит только донести его до дома да хорошенько просушить под солнцем, и выйдет прекрасная растопка для печи.

На поле юноша трудился не один. Чуть впереди Чэнь Чжи и Доу Цзиньхуа — один с коробом, другая с бамбуковой корзиной — заняли по му земли и, низко склонив головы, тщательно прочесывали пашню.

Вчера они уже успели обойти все четыре му пшеничных наделов, но обоим показалось, что убрали они недостаточно чисто, а потому с первыми лучами солнца они вновь прибежали на поле.

Как бы усердно ни трудился жнец во время страды, потерь всё равно не избежать. На чужие поля смотреть нечего, а вот свою землю надобно прочесать еще разок — так на сердце будет спокойнее.

Порой, шагая по дороге, деревенские старики замечали пару затерявшихся колосьев — и пусть на них не оставалось зерен, а была лишь сухая соломинка, они наперебой бросались подбирать её.

Каждый год в пору уборки пшеницы или риса в деревне обязательно находились старики, которые из-за сбора оставшихся колосьев затевали ссоры друг с другом.

Чанся продолжал споро выкапывать корни. Заметив в земле золотистые зерна, он останавливался, если их было много или если они лежали на виду, не будучи втоптаннами в самую глубь сухой почвы. Юноша брал небольшую широкую лопатку и прямо вместе с землей счищал зерна в короб.

Зернышки вместе с пылью и грязью оседали на самом дне корзины. Дома их можно будет высыпать, хорошенько просушить на солнце, а после провеять с помощью веялки, чтобы очистить от сора. Сколько бы зерен ни набралось — пусть самую малость, — всё равно выйдет прибавка к общему котлу.

Чэнь Чжи и Доу Цзиньхуа поступали точно так же.

Впрочем, они лишь мимоходом сгребали то, что попадалось под руку. Если бы они принялись выковыривать из земли каждое зернышко по отдельности, то на остальные дела времени бы совсем не осталось, и пришлось бы торчать на пашне с утра до глубокой ночи.

На верхних, самых плодородных наделах народу, занятого уборкой корней и выравниванием земли, было заметно больше.

Всего через несколько дней после жатвы наступала пора сажать бобы. Любой хозяин, владевший доброй, тучной пашней, стремился как можно скорее привести землю в порядок,

дабы успеть засеять её в срок.

Вскоре на меже показался Пэй Цзаоань с мотыгой на плече. Не проронив ни слова, старик прошел на соседнюю му земли и принялся споро выкорчевывать пшеничные остатки.

Ранним утром, когда над деревней еще не занялась заря, Пэй Яо вместе с Пэй Юва покинули дом. Они отправились в соседнее поселение Дунчжоу, к зажиточному хозяину по фамилии Чжоу, чтобы наняться к нему на поденную уборку хлеба.

За целый день такой страды работнику, помимо двух сытных обедов, полагалась плата в сорок монет. На двоих выходило восемьдесят монет в день.

По опыту прежних лет, едва заканчивалась жатва на собственных наделах, мужчины, если не уходили в дальние края, а нанимались в окрестных деревнях, могли рассчитывать на пять-шесть дней исправного заработка.

Крестьянам к тяжелому труду не привыкать. Попотев еще несколько дней, можно было принести в дом около четырехсот монет, что составляло четыре цяня серебра — весьма неплохое подспорье для семьи.

Сумерки.

Солнце уже полностью скрылось за линией горизонта, но Пэй Яо и Пэй Юва всё еще не вернулись.

Чанся, перебив всю посуду после обеда, принялся варить похлебку для свиней.

В эти страдные дни ужин в доме подавали поздно. Возвращались с полей затемно, оттого и за готовку принимались со значительным опозданием. Не дождавшись корма, свиньи в загоне на заднем дворе всю выражали свое недовольство глухим похрюкиванием.

Весь двор был усыпан плотным слоем собранного зерна — его следовало хорошенько просушить, прежде чем везти на гумно для обмолота.

В эту пору одежда и волосы у каждого домочадца были словно подернуты серой пеленой. Стоило пройти по рубахе холщовой тряпицей, как вокруг поднималось видимое глазу облако пыли.

Чанся очень любил этот особенный, ни с чем не сравнимый дух согретого солнцем зерна и сухой соломы.

В первые два года, как он только попал в дом Пэй, времена стояли суровые и голодные. И хотя они с Пэй Яо редко засыпали с урчащими от голода животами, юноша прекрасно видел тревогу на лицах взрослых и понимал, как тяжело приходится семье.

Никто в целом свете не ведал, какой глубокий, леденящий страх томил тогда его душу.

Когда деревенские старики собирались вместе посудачить о житье-бытье, они неизменно со вздохом сетовали: мол, вот бы небо послало благодатную погоду без засух и наводнений. Слово за словом, они принимались вспоминать благословенные урожайные годы, когда закрома ломились от зерна.

Внимая этим речам, Чанся тоже всем сердцем молил небо о милости.

К счастью, те лихие и бесхлебные годы миновали. словно небеса сжалились над людьми: пусть великого изобилия в последние лета не наблюдалось, но дожди выпадали вовремя. Изредка случались небольшие паводки, но до полного недорода дело ни разу не доходило.

Ныне подати и налоги были умеренными, так что если человек не ленился и исправно трудился, то заработать на кусок хлеба не составляло особого труда.

*

Едва был выплачен летний поземельный налог, пользуясь тем, что цены на молодое зерно держались на самой высокой отметке, семейство Пэй выгодно продало часть урожая, чтобы выручить немного звонкой монеты.

Оставшуюся часть пшеницы, просушенную до звона, засыпали в глубокие глиняные чаны на хранение. Просторный двор больше не был завален снопами и соломой — теперь на нем сушился заготовленный хворост, а кое-где были расстелены старые рогожи.

Когда дикой зелени и припасенных овощей набиралось с избытком, их раскладывали для просушки на широких плетеных матах.

Солнце палило так нещадно, что земля побелела, а трава увяла и поникла. Деревенский пес забился в густую тень под навесом; его бока судорожно и часто вздымались, он вывалил наружу длинный язык и дремал, смежив глаза.

На заднем дворе куры, утки, свиньи и ослик тоже не совались под палящие лучи: кто-то тихонько клевал носом, а кто-то безмятежно растянулся на земле, погрузившись в глубокий сон.

Ворота усадьбы были плотно заперты, во дворе не виднелось ни души.

Даже цикады прекратили свою оглушительную песню — повсюду, как внутри дома, так и снаружи, воцарилась глубокая, звенящая тишина.

Лишь когда самый знойный полуденный час миновал, в жилых комнатах началось какое-то шевеление.

В прошлые дни домашние изрядно измотались на полях, толком не зная отдыха, но теперь наконец выкроили немного времени, чтобы прилечь после обеда и восстановить силы.

Впрочем, Пэй Юва и Пэй Цзаоань не умели сидеть без дела. Подхватив топоры да пилы, мужчины потихоньку ушли в горы — валить сухостой.

Дверь западного флигеля тихонько скрипнула, и наружу вышел Чанся, направляясь к кадушке, чтобы зачерпнуть воды и умыться.

Солнце слепило глаза, заставляя невольно жмуриться.

На старых матах посреди двора пышной белой горой сушился хлопок; под яростными лучами он успел раздаться и сделался невероятно пушистым.

Урожай нынешнего года еще не поспел, так что это были запасы прошлого лета.

Едва Чэнь Чжи вышел на крыльцо, он тут же велел Пэй Яо оттащить маты с хлопком подальше в тень.

Уже несколько лет подряд на той единственной му скудной земли у подножия горы они сажали исключительно хлопок. Хотя почва там была каменистой и тонкой, но набрать за год немного волокна удавалось — как раз хватало, чтобы сшить пару теплых одеял.

Чэнь Чжи всегда отличался дальновидностью. Этот хлопок он начал собирать и откладывать загодя — для будущей свадьбы двоих детей, когда те войдут в лета. Так семья была избавлена от нужды в самый последний момент в панике хвататься за голову и растерянno смотреть друг на друга.

Он рассуждал так: пусть даже Чанся — всего лишь приемыш, взятый в дом будущим мужем, и свадьбу можно сыграть без лишней пышности, но несколько добротных новых одеял и праздничных одежд у молодых быть должно.

Теперь же он не на шутку радовался своей бережливости: слава богам, хлопка в закромах скопилось предостаточно.

Если для Чанся и впрямь сыщется достойный и добрый жених на стороне, можно будет сшить ему в приданое несколько пышных новых одеял — выйдет и богато, и глазу приятно. С таким приданым не стыдно показаться в чужом доме, и никто не посмеет посмотреть на него свысока.

Ополоснув лицо прохладной водой, Чанся поспешил на кухню.

Замоченные с самого утра древесные грибы-муэр и цветки лилейника успели знатно разбухнуть. Юноша бережно срезал жесткие корешки у грибов, разорвал слишком крупные шляпки на мелкие кусочки и еще разок промыл их в чистой воде.

Подхватив плетеную корзину, он направился к огороду во дворе.

Пэй Яо в это время как раз крутился у поленницы хвороста. Наступив тяжелым сапогом на толстое бревно, он низко согнулся, перебирая деревянные чурбаки в поисках подходящего куска древесины.

Когда их взгляды встретились, Чанся испуганно опустил глаза и ускорил шаг, стремясь как можно скорее пройти мимо и не смея остановиться ни на миг.

И чего этот дуралей шарахается от него, словно от чумного? Средь бела дня ведь стоим, никто его заживо есть не собирается.

Пэй Яо в сердцах с силой пнул бревнышко.

Помня о том, что все домашние находятся во дворе, и страшась выдать их тайну, он решил не портить себе кровь из-за этой глупости. Юноша вновь низко склонился над деревяшками, прикидывая в уме, какую вещицу лучше вырезать из этого куска.

Пару дней назад дедушка Пэй Цзаоань ходил в горы за хворостом и заметил несколько знатных деревянных чурок, которые и приволок с собой на подворье.

Сам Пэй Яо занимался резьбой исключительно ради забавы, серьезным плотницким ремеслом это назвать было трудно, однако старик, желая порадовать старшего внука, при каждом походе в лес непременно высматривал для него интересные сучья и пни.

В главном зале Доу Цзиньхуа занималась нарезкой плотных холстов для обувных подошв.

Рядом с ней устроился Чэнь Чжи: одной рукой он аккуратно вытягивал тонкую хлопковую нить, а другой споро крутил рукоять прялки, отчего деревянное колесо с негромким жужжанием вращалось на полной скорости.

Женщины неторопливо переговаривались о домашних делах, как вдруг Чэнь Чжи, вскинув взор, приметил эту явную холодность и нелады между Чанся и Пэй Яо.

Он не проронил ни звука; проводив парней долгим взглядом, он лишь тяжело вздохнул про себя.

О тайных смотринах он еще не успел словечком обмолвиться с мужем, но, судя по всему, откладывать этот разговор больше нельзя.

Едва они выдадут Чанся замуж, придет пора готовиться к женитьбе Пэй Яо, а всё это требовало немалых расходов.

Изначально семья планировала в нынешнем году выкопать на подворье собственный колодец, а после, подкопив еще немного монет, выложить дорожки во дворе гладким сизым камнем. Теперь же, судя по всему, и колодец, и каменные дорожки придется отложить до лучших времен.

Чанся сорвал добрую охапку сочной зеленой травы-пустотелки и тщательно промыл её в воде.

До поры приготовления ужина времени оставалось с избытком, так что он аккуратно разложил зелень на широком бамбуковом подносе, дабы с неё стекла лишняя влага.

Приподняв тяжелую деревянную крышку глубокой кадушки с водой, он заглянул внутрь: там на веревке висел приличный кусок свинины — нежирной, с тонкими прослойками сала, длиною примерно в пол-пяди. Мяса оставалось совсем немного.

Ради уборки летнего хлеба вся семья трудилась не покладая рук, отчего Чэнь Чжи вчера после полудня специально сходил в соседнее поселение Чжаоли, дабы купить добрый кусок свежего мяса для подкрепления сил.

Со вчерашнего вечера и за сегодняшнее утро большую часть добычи успели пожарить и съесть, так что остался лишь этот скромный ломоть.

Мясные яства да сытный жир на крестьянском столе появлялись от силы раз в две недели, так что, несмотря на удушающий зной, никто не воротил нос от сытной пищи.

Убедившись, что с мясом всё в полном порядке, Чанся опустил крышку кадушки.

В сильную жару вода в глубоком чане оставалась удивительно прохладной, так что за сохранность припасов можно было не беспокоиться; заняться нарезкой можно будет и позже, когда придет время разводить огонь в печи.

Эту кухню отстроили всего два года назад, её ежедневно тщательно мели и отмывали, так что повсюду царила образцовая чистота.

Заприметив на столе плетеную корзину со свежей, нежной речной зеленью, которую Доу Цзиньхуа еще утром набрала у ручья, Чанся на миг задумался. Шагнув к порогу кухни, он негромко крикнул в сторону главного зала:

— Папа, мяса осталось самая малость. Может, на ужин приготовить легкую похлебку с тонкими ломтиками свинины?

Чэнь Чжи, не прерывая мерного жужжания прялки, откликнулся:

— Конечно. Мяса и впрямь на один зуб осталось, так что для горячей похлебки оно в самый раз будет.

— Хорошо, — отозвался Чанся и принялся споро перебирать и мыть речную зелень.

Пока он был занят делом, дремавшие в тени большой пес и маленький щенок разом вскочили на лапы. Навострив уши, они настороженно уставились в сторону ворот и глухо, предостерегающе рыкнули пару раз.

Чэнь Чжи глянул в окно, после чего поспешно поднялся с места и с радостной улыбкой поспешил навстречу вошедшей во двор Пэй Ютан:

— Вот уж не думал! Страда в полях только-только улеглась, а ты уже поспешила провести отчий дом.

Деревня Лицзя раскинулась не так далеко от их мест, да и Пэй Ютан была еще полна сил, так что в её частых визитах к родителям не было ничего удивительного.

Однако в словах Чэнь Чжи таился иной, скрытый смысл, о котором гостя прекрасно знала.

Заметив, что фулан брата не стал поминать тайное дело при всех, а Чанся и Пэй Яо уже поспешили к ней с приветствиями, женщина приветливо улыбнулась. Передав плетеную корзину в руки подбежавшему Чанся, она ласково промолвила:

— По дороге сюда заприметила торговца с виноградом, уж больно хорош был. Купила вот знатную кисть, ступай скорее обмой в ключевой воде да отведайте.

Налитые, багрово-сизые ягоды винограда были крупными и круглыми — один взгляд на них заставлял исходить слюной.

Заприметив на дне корзины еще и два свертка со сладкими лакомствами, Чанся бережно выудил виноград, а саму корзину передал Чэнь Чжи:

— Папа.

Чэнь Чжи подхватил ношу и с веселым смехом увлек Пэй Ютан за собой в главный зал.

Раз уж пришла любимая тётушка, негоже оставлять её в одиночестве, так что Пэй Яо тоже послушно последовал за ними.

Вскоре Чанся принес тарелку с чисто вымытыми ягодами. Церемониться никто не стал, и каждый с удовольствием сорвал по виноградине на пробу.

Сладкий, с приятной кислинкой сок буквально брызгал изо рта; Доу Цзиньхуа, довольно щурясь, принялась нахваливать угощение.

Остальные трое дружно закивали головами в знак согласия — вкус и впрямь оказался отменным.

Потолкавшись и побеседовав о всяких пустяках, Пэй Ютан принялась уговаривать престарелую мать и двоих парней налегать на лакомство, а Чэнь Чжи, улучив минутку, промолвил:

— Я тут на днях сшил новую рубаху, да только обновка мне не по душе пришлась, словно скроена неладно. Ступай со мной в комнату, погляди свежим глазом — может, перешить где надобно?

С этими словами они поднялись и скрылись за дверями опочивальни.

Пэй Яо проводил взглядом закрывшуюся дверь и слегка нахмурил брови: судя по всему, у папы с тётушкой имелось какое-то тайное дело, о котором они не желали распространяться. Доу Цзиньхуа уже много лет как полностью отошла от ведения домашних дел, а потому не обратила на это никакого внимания.

В западной комнате.

Устроившись на кане, женщина и фулан заметно понизили голоса.

Чэнь Чжи с нетерпением спросил:

— Ну как успехи? Я все эти дни только о том и думал, ждал, когда ты весточку подашь.

Пэй Ютан сокрушенно покачала головой:

— Ах, невестка, ты ведь сама строго-настрога наказала не поднимать шума на всю округу, чтобы никто раньше времени не прознал. Перво-наперво я принялась разузнавать у себя в деревне. Парней подходящих по возрасту нашлось двое: да только у одного в доме шаром покати — нищета беспросветная, а у второго родители такого крутого и вздорного нрава, что упаси боги с ними связываться. Я вот сижу и думаю: коли наш Чанся попадет в тот дом, его же там заживо съедят да замучают попреками.

— Нет, это никуда не годится, никак нельзя, — испуганно замахал руками Чэнь Чжи.

— Вот и я о том же, — Пэй Ютан отпила глоток прохладной воды и продолжила: — Стала я тогда через знакомых в соседних селах выведывать. Перезрелых мужей нам не надо, а совсем зеленых отроков их собственные семьи еще женить не думают. Стала спрашивать про парней от восемнадцати до двадцати одного года — да чтоб и хозяйство было крепким, и сам жених отличался добрым, благонравным нравом. В обычные-то дни кажется, что хороших людей вокруг пруд пруди, а как до дела дошло — так хоть шаром покати, не сыскать подходящего человека.

Дело со сватовством — штука серьезная, спешки не терпит, и чтобы высмотреть достойную партию, надобно приложить немало усилий.

К тому же в прошлые дни повсюду гремела летняя жатва, в каждой избе хлопот было выше крыши, так что расспросами можно было заняться лишь в редкие минуты отдыха. Чэнь Чжи это прекрасно понимал.

Он согласно кивнул головой и со вздохом промолвил:

— Видать, это я слишком сгоряча за дело взялся.

На днях, когда он сам наведывался в родную деревню к родителям, он тоже принимался

окольными путями выпрашивать у невестки да престарелого отца о тамошних женихах. Нашлась там одна семья со справным хозяйством, и сын у них был в самом подходящем возрасте, да только парень тот после несчастного случая остался калекой и сильно хромал на одну ногу.

Те хозяева готовы были отдать за невесту щедрый выкуп, но, поразмыслив над этим хорошенько, Чэнь Чжи решил, что не стоит губить долю Чанся.

<http://bllate.org/book/17875/1726742>